

отнюдь не способствовали «публикабельности» его произведений – частично они писались «в стол», оставались незавершенными, в виде дневниковых записей и т.п.» (с.59).

А. Большакова вводит «Поездку в прошлое» в разряд русской метапрозы (как состоящую не только из собственно текста произведения, но и сопутствующих текстов о тексте – автобиографических записей, дневников, мемуаров и т.п.). Усложняется и образ читателя деревенской прозы, обретающего статус конвенционального (термин Г.С.Морсона), т.е. входящего в сложные «договорные» отношения с автором, понимающего его систему подцензурных «шифров» и тайнописи, «эзопова языка».

Глава о творчестве В.Астафьева посвящена архетипическому мотиву возрождения, определяющему суть онтологии Деревни. Рассматриваются классические произведения «Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Затеси», «Пастух и пастушка». Особой сферой исследовательского анализа в этой – во многом итоговой для всей книги главе – становятся повествовательная речь автора, специфика жанрового канона и его модификации (деревенская ода, повествование в рассказах, современная пастораль или идиллия), особенности «читательского» времени в его сопряжении с традиционным фольклорным, когда жизнь природы и человека максимально слиты,

проходят «под знаком роста и плодородия» (М. Бахтин). Как отмечает А. Большакова, большое значение в «читательском» времени у Астафьева – и это определяет некий темпоральный закон в деревенской прозе – обретает принцип «исторической инверсии», обуславливающей, по М. Бахтину, изображение «как уже бывшего в прошлом того, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого» (Бахтин М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.- С.183). Подробно рассматривается реализация и модификация в астафьевском творчестве идиллического канона – одного из важнейших в формировании деревенской прозы как литературного направления.

В новой монографии А.Большаковой успешно сочетаются теоретико- и историко-литературный подходы, что позволяет преодолеть многие расхождения стереотипы в оценке ведущих явлений русской литературы XX века (ранее безоговорочно подверстывавшихся под категорию «советской литературы»), уловить их сопряжение с классической линией XVIII-XIX столетий. Книга может быть полезна студентам, преподавателям и специалистам по истории и теории литературы, культурологам, а также всем любителям отечественной словесности.

**Э.ЛАВРИК, доктор
исторических наук**

О важном и нужном Словаре

К концу века очередной раз появилась потребность подвести некоторые итоги общественнознания и человековедения. Это – традиция, ибо на раз-

ных языках и в разных странах к данному порогу обычно определяется необходимость остановиться, оглянуться... Откуда и куда мы идем, кто такие

«мы», как в этом «мы» выделяется «я» — как все это представлено в современной науке и философии.

Мы не будем обращаться уже к теме миллениума — тысячелетие наступило одновременно слишком тревожно и слишком буднично. И уж во всяком случае не торжественно...

Итак, подготовка и обнародование компендиума сведений о природе, обществе и человеке — традиция давняя. Однако выпущенный издательством «Наука» философско-энциклопедический словарь «Человек»¹ (далее просто Словарь) — далеко не только дань юбилейному году, веку и тысячелетию. Коллектив авторов — сотрудников Института человека — под руководством действительного члена РАН Ивана Тимофеевича Фролова создал произведение, осуществляющее во многом функцию прорыва в новой, крайне потребной сегодня области междисциплинарного исследования. Акцент на разнообразности знания о человеке для составителей принципиален: идеология словаря основана «на концепции комплексного, междисциплинарного подхода к человеку. Поэтому читатель найдет в издании термины из самых различных отраслей» (с.3). Дело в том, что комплекс знаний о человеке востребован сегодня представителями не только гуманитарной, но и естественной и даже технической науки. А поскольку успешно реализованная в словаре цель кодификации знаний о человеке весьма значима для углубляющейся программы гуманизации и антропологизации образования, есть все основания полагать, что книга будет полезна для широкой аудитории — профессионалом и дилетантом, «учителем» и «учеником».

Ни один передовой вуз уже не мо-

жет обойтись в этом плане без так или иначе вводимого курса человекознания — часто даже под трудно узнаваемыми названиями. Так, гуманитарно ориентированная проблематика все четче выделяется в рамках традиционных курсов по социологии и психологии, юриспруденции, экономики и инженерии. Очевидным становится, к примеру, факт, что экологические знания сущностно необходимы для «технарей — физиков». Словарь выявляет и артикулирует данную потребность и во многом удовлетворяет ее.

Издание готовилось, конечно, не без некоторого, так сказать, бодрящего страха перед громадностью стоящей задачи. Авторы вводной статьи «Познание человека» (В.Г. Борзенков, И.Т. Фролов) осознают ее значимость, когда пишут: «С одной стороны, используя слово «человек», мы имеем в виду весь человеческий род» (говоря, например, что «человек произошел от обезьяны» или «человек — творец «второй природы»», мира культуры и т.д.), а с другой — каждого отдельно взятого человека, человека как индивида, как личность. Поэтому, строго говоря, уже осознание этих различий требует от нас введения не одного, а по меньшей мере четырех определений того, что такое человек: 1) человек в естественной систематике животных, 2) человек как сущее, выходящее за рамки животного мира и в известной мере противостоящее ему, 3) человек как представитель рода человеческого и, наконец, 4) человек как индивид, личность» И весьма резонно добавляют: «На самом деле таких различий, по-видимому, существует значительно больше, что и вынуждает специалистов все чаще задумываться над вопросом: а не имеем ли мы здесь дело с таким объектом научного познания, при теоретическом исследовании сущности которого потребуются далеко выйти за рамки обычных логико-методологичес-

¹ Человек: Философско-энциклопедический словарь / Под общей редакцией акад. РАН И.Т. Фролова. М.: Наука, 2000. 516 с.

ких приемов образования исходных понятий?» (с. 5). Надо полагать, речь идет об особом типе синтезе, достигаемом на пути не только междисциплинарного научного анализа, но и наведения мостов с иными духовными практиками. В поиске этого особого качества человековедческого знания составители выдвигают идею взаимной дополнительности трех ответов на вопрос: «Что такое человек?» – дескриптивного, атрибутивного и сущностного.

При решении сложнейшей задачи – сочетания указанных трех подходов – нужно, на наш взгляд, добавить еще один, позволяющий ориентировать на поиск ответа на вопросы не только о том, что человек есть, но и о том, чем человек может стать. Это – проективный подход, во многом задаваемый, например, работами отечественного «человекознатца» Н. Ф. Федорова (удостоившегося почему-то лишь одного упоминания в именном указателе...), а также и представителями конкретных дисциплин, создателями «проективных тестов» – методик целостного изучения личности на основе проекций: процессов постижения и порождения доминирующих для индивида значений.

Принципы построения (внешней композиции) и устройства (внутренней сочетаемости) материала Словаря диктуются необходимостью, с одной стороны, адекватного преподнесения разнородных знаний из разных областей человековедения, с другой – задачей проникновения в суть изучаемых явлений духовно-практического освоения действительности. Наконец, потребовалось изложить особенности видения человека с позиций мифологии, философии и религии – постоянно имея в виду тот масштаб соотношения Макрокосма и Микрокосма, т.е. Вселенной и Человека, без чего принципиально невозможно какое-либо продуктивное знание.

Грандиозность концептуального замысла как бы неявно предполагает и возможность больших «провалов».

В этом русле отметим: в Словаре зияюще отсутствуют знания из области социальной антропологии. Это касается, к примеру, понятий «коллективные представления» и «солидарность». Нет и специальной статьи о «социальной антропологии», хотя есть статьи об антропологии религиозной и культурной антропологии ...

По-видимому, это связано с тем, что Словарь все еще остается в частичном плену «века естествознания», растянувшегося в отечественном человековедении почти на весь XX век, когда социальность отдавалось на откуп марксизму, причем чаще в его вульгаризированных вариантах, а ныне – православной антропологии, зачастую также однобоко представленной.

Вообще, в словаре превалируют – по объему – сведения о ценностях религиозной антропологии лишь в православном ее варианте. Почему не буддистской? Или конфуцианской? Или мусульманской? Нет знаний? Есть. Над многими статьями высится, например: «Оракул» – почти на 2 страницы – при отсутствии статей о «Протестантизме» и «Католицизме», «Конфуцианстве» и «Даосизме». Каждое из этих учений содержит свои, причем высококреативные системы взглядов на «выделку» человека путем воспитания. Они, кстати, определяли длительное время духовный облик представителей крупнейших этносов в течение едва ли не тысячелетий... Без них человек чрезмерно плотно облекается в европеизированное культурно-идеологическое «платье».

Да и с православием есть лакуны: где статья, к примеру, «Метафизика сердца»?

Недостаточно абсорбированы знания отечественного человековедения – и в православном, и в естественнонаучном его выражении. Это же надо умудриться

– не упомянуть Кропоткина, создателя учения о взаимопомощи как факторе эволюции, к Дарвину обращаясь чуть ли не через страницу?! По разу упоминаются Федоров и Циолковский (зато некая Калитиевская 2 раза), слабо представлены идеи русских космистов с глубоким пластом человековедческого содержания.

В Словаре, к сожалению, не нашлось места ключевым философским категориям: «деятельность», «общение», «субъект» – зато много понятий по эстетике. Мало учтены новые области знаний со своими предметными полями, граничащими, а то и пересекающимися с науками о человеке, в частности, с социальной антропологией: от Акмеологии – области знаний о высших профессиональных и творческих достижениях – до Ювенологии – науки о молодости и здоровье как должном состоянии и человеческого организма, и качестве жизни общества.

В Словаре более 400 статей. Шестнадцатая часть их них представлена в достаточно репрезентативной подборке на букву «К»; из них по анатомии и физиологии (карлик, кастрат, конституция, кровообращение) – 4 статьи, по религии (кладбище, коран, крест, культ религиозный) – 5, по эстетике – 3 (катарсис, комическое, красота), 3 по психиатрии (катаlepsия, конфабуляция, кретинизм), по 2 по психологии (комплекс неполноценности, космическая психология), мифологии (карлики, культ и миф), социологии (коммунизм и коммуникация, интересно, почему нет капитализма?), необязательные другие (коллекционирование, красноречие), по 1 по философии (креационизм), культурологии (культура), экологии (ксенобиотика). Приведенный пример показывает, что Словарь достаточно сбалансирован, хотя не помеша-

ла бы определенная «инвентаризация» словника. Особенно рядом, к примеру, с двухтомником «Мифы народов мира», словарем «Русская философия», другими справочными изданиями ...

Не помешал бы Словарю не только именной, но и предметно-тематический указатель, тогда в нем легче было бы ориентироваться. Одновременно выявились бы и тематические перекосы.

Мощный, можно сказать, несущий блок Словаря – статьи о слове «Человек» и его производных (с. 414 – 434). Собранные вместе, они представляют некую целокупность знаний, потребных каждому. И все-таки и к ним можно предъявить некоторые претензии, которые адресованы Словарю в целом. Отметим, к примеру, игнорирование Востока, пренебрежение инструментарием социальной антропологии, превалирование одних философских школ при игнорировании других ...

Отдавая большую часть «пространства» рецензии критике, мы вовсе не стремимся доказать, что данное издание не состоялось. Как раз наоборот! Еще раньше надо было бы выпустить подобный Словарь, соответствующий запросам XXI века. Справляясь с труднейшими задачами, авторы статей и – главное – составители проявили колоссальную сосредоточенность на предмете, задаваемую многолетними творческими усилиями академика И.Т. Фролова. Книга – своеобразный памятник этому Ученому и Человеку.

В заключение отметим: вполне определяемая перспектива введения человековедческих знаний в школе и вузах самого различного профиля требуют интенсивных разработок по собираемости и сочетаемости уже известных данных. Выход Словаря – заметная веха на данном пути.

